

Huno Rätsep, Eesti keele lihtlause struktuur. Verbikesked lausemallid. Väitekirja filoloogiadoktori teadusliku kraadi taotlemiseks, Tartu 1974.

15 ноября 1974 г. на Совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита докторской диссертации доцентом кафедры эстонского языка ТГУ Хуно Рятсепом на тему «Структура простого предложения в эстонском языке. Ориентированные на глагол модели предложения». Официальными оппонентами свою оценку работе дали профессора, доктора филологических наук П. Алвре (Тарту), К. Е. Майтинская (Москва), М. Рудзите (Рига).

Диссертация Х. Рятсепа (418 стр. машинописи) относится к области глагольного синтаксиса эстонского языка. Поскольку автор исходит из понятия глагола как центра предложения, анализу подвергнуты лишь те предложения, в которых наличествует спрягаемая форма глагола.

Исследование описательно по отношению к современному эстонскому языку, цель его заключается в определении основных моделей простых предложений, возможных в общеупотребительном языке и грамматически правильных. При этом не затрагиваются историческое формирование моделей предложений и, по словам автора, «строгие нормы литературного языка» (стр. 6).

Общетеоретической основой работы послужили принципы анализа структурной лингвистики, в которых автор свободно ориентируется, при необходимости развивая их творчески. Следует подчеркнуть, что в теоретических рассуждениях, особенно в первой и последней главах, Х. Рятсеп проявил критическое чутье и последовательность.

Диссертация состоит из трех глав, предисловия, обзора цитированной литературы и списка сокращений и символов. Материал распределен между главами более или менее равномерно.

Во введении (стр. 2—11) автор наряду с целью исследования, методами и т. п. подробнее останавливается на материале и источниках. Поскольку общее количество вариантов простых предложений эстонского языка достигает, по

мнению диссертанта, сотен тысяч, следует считать оправданным заимствование материала и из литературных источников. Особенно необходимым это оказалось на начальных стадиях исследования. Утверждение, будто более значительных предварительных работ, откуда можно было бы заимствовать синтаксический материал, нет (автор ссылается на отсутствие толкового словаря, «откуда можно было бы почерпнуть хоть часть необходимых данных», стр. 8), не совсем верно, ибо составлена картотека толкового словаря и имеются в рукописи отдельные его разделы, которыми можно было и следовало воспользоваться в Институте языка и литературы АН Эстонской ССР. В качестве одной из причин того, почему не все глаголы проанализированы, указывается, что в отношении глаголов, не входящих в личный словарный запас исследователя, модели предложений определить невозможно (стр. 9). В таком случае возникает вопрос о границах применимости лингвистических методов исследования вообще и о том, в чью компетенцию данная проблема в целом должна входить.

Первая глава (стр. 12—128) озаглавлена «О строении ориентированных на глагол моделей предложений в эстонском языке». Диссертант исходит из аксиомы, что центральную роль в простом предложении играет финитная форма глагола. Ее лексикологическим и грамматическим значениями определяются основные черты построения, структура простого предложения. Рассматриваются лишь повествовательные простые предложения, в состав которых могут входить элементы трех видов: финитная форма глагола как центр предложения, обязательные связанные распространители и факультативные связанные распространители.

Первая глава делится на два больших раздела: 1) составные части ориентированных на глагол моделей предложений и 2) взаимоотношения связанных распространителей с глаголом.

Прежде всего сделана попытка более отчетливо разграничить простой и

сложный, с одной стороны, и оборотный глагол, с другой. До сих пор в эстонском языкознании понятие оборотного глагола почти не рассматривалось. С 1969 г. в нескольких публикациях на этом вопросе останавливался автор рецензируемой диссертации. Поскольку совсем не рассматриваются модели предложений с оборотным глаголом и даже с известными типами слитных глаголов, то возникает вопрос, целесообразно ли посвящать выяснению сущности оборотного глагола одиннадцать страниц и возвращаться к этому вопросу в последней главе. Однако в общем детальный анализ составных частей и понятий предложения здесь уместен и необходим для разграничения абстрактных компонентов предложения. Читатель должен знать, чем отличаются классы слов структурной лингвистики от обыкновенных частей речи, каковы классы форм, субституционные классы связанных распространителей, дирекционали, модалы состояния и т. д. и т. п. При описании моделей предложений в работе все эти понятия переданы определенными символами.

Вместе с тем в рамках настоящей главы дан полный обзор основных проблем структурной синтаксической литературы, вышедшей как у нас, так и в других странах. Весьма полезно, что внимание обращается на многие неточности традиционной грамматики, например, на стр. 50 при характеристике вспомогательных наречий, на стр. 69 в связи с безличным глаголом *tuleb*, на стр. 77 в связи со спряжением причастий на *-tud* и *-nud* в транслативе и т. д. При рассмотрении посессивного генитива и аллатива-адессива вполне обоснованно указывается на аналогичность отношений между дативом и генитивом индоевропейских языков.

У рецензента нет возражений против представленных в главе теоретических положений и методики, положенной в основу анализа. В глаза бросаются некоторые неточности технического порядка и ошибочное отнесение слова *lähedal* к группе наречий ориентации в предложении *Naaber seisib mu lähedal* 'Сосед стоял рядом со мной' (стр. 52), где *lähedal* является послелогом.

Думается, что при рассмотрении субституционного класса инструмен-

таль в дальнейшем следует иметь в виду также исторические критерии, наслоения, относящиеся к разным эпохам. Комитативу предшествовал адессив, как отчетливо видно из параллельной конструкции *Ta vaatles mind suuril silmil* и *Ta vaatles mind suurte silmadega* 'Он смотрел на меня, раскрыв глаза'. В диссертации адессивная возможность в такой форме не учитывается (стр. 113). Исторический аспект языка пошел бы на пользу и при различении пассивных форм инфинитива на *-ma* ($V + tama$), ибо эти формы инструктивного происхождения при глаголе *pidama* можно отличать от настоящих иллативов.

Центральной частью диссертации является вторая глава (стр. 129—335), в которой приводится членение элементарных предложений эстонского языка и даются ориентированные на глагол модели предложений. Рассматриваются лишь внеконтекстуальные элементарные предложения. Как известно, их релевантные свойства зависят от особенностей значения центрального глагола. Следует присоединиться к мнению автора, что полисемантические глаголы имеют несколько ориентированных на глагол моделей предложения. Большинству глаголов эстонского языка свойственна все же лишь одна модель.

При переходе от конкретного предложения к более абстрактному уровню предложение обобщается таким образом, что конкретные словоформы заменяются общими классами форм и обозначениями других абстрактных элементов, проводится различие между обязательными и факультативными элементами. Модели предложений даются по типам элементарных предложений в трех основных группах и в строгом порядке, исходя из формы распространителей. Таким путем получают типы главных возможных элементарных предложений, что обозначено основной нумерацией моделей (363 элементарных предложения). Общее число всех рассматриваемых в работе ориентированных на глагол моделей предложения достигает 1232. Бесспорно, вторая глава представляет собой самую трудоемкую часть диссертации. Фиксация моделей предложения эстонского языка проводится здесь впервые. Сравнительного материала из соседних языков пока

нет, поскольку подобных исследований еще не проводилось.

Элементарные предложения делятся в диссертации на обыкновенные, с вторичными глагольными формами и с секундарным предложением либо высказыванием. Такое равное деление главы (А, Б, В) может быть и практично, но по сути дела напрашивается деление на группы А и Б, причем группа Б, противостоящая группе А и выражающая вторичное действие, должна бы далее распределяться на две подгруппы. Таким образом, классификацию элементарных предложений можно поставить на те же логические основы.

Ориентированные на глагол модели предложения (ОГМП) в эстонском языке проиллюстрируем некоторыми примерами из группы А¹ (обычные элементарные предложения): 1) нульместное элементарное предложение V (*müristama* 'гремять' — *Müristab* 'Гром гремит'), 2) одноместное элементарное предложение N + пом. V (*suvitama* 'отдыхать на даче' — *Peeter suvitab* 'Пэтер отдыхает на даче', двухместное элементарное предложение N¹ + пом. V N² + пом. (*olema* 'быть, являться' — *Juhan on kirjanik* 'Юхан — писатель'), 3) трехместное элементарное предложение N¹ + пом. V N² + тр. N³ + пом. (*panema* 'класть' — *Peeter pani lapse nimeks Jaan* 'Пэтер дал ребенку имя Яан'), четырехместное элементарное предложение N¹ + пом. V N² + ngr. N³ + all. N⁴ + тр. (*jätma* 'оставлять' — *Direktor jättis asjad asetäitjale otsustamiseks* 'Директор оставил решение дел заместителю').

Составление моделей предложений, требующее большой точности, проведено в общем корректно и со знанием дела. Похвально, что автор описывает некоторые слова в списке глаголов модели более детально; например, при модели 261.1 верно подчеркивается, что глагол *kuluma*

может выступать здесь только в 3-м лице сослагательного наклонения; при модели 318 важно замечание, что номинатив единственного числа не может быть признаком элемента N² + ngr.; в модели 37 N² не стоит в партитиве даже при отрицании (*Juhanil hakkas hirm* 'Юхану стало страшно' — *Juhanil ei hakanud hirm* 'Юхану не было страшно'); при модели 143 приводится уточнение, что Mod. включает лишь наречия с аффиксами *-sti* и *-mini* и т. д. Уместны также другие пояснения, например, в отношении модели 47.5: N + all. не входит в модель предложения, поскольку принадлежит прилагательному *raskeks* 'трудный' и им же обусловлен (*Töö läks Peetril raskeks teha* 'Пэтеру стало трудно работать').

Так как разные модели находятся в отношении взаимозаменимости, то автору при указании отношений эквивалентности нередко приходится опираться на ссылки. Так, обоюдные ссылки имеются относительно моделей 133.1, 136.1 и 139.1, что означает, что типы предложений *Kojusõidule kulub Peetril kümme minutit* и *Kojusõidu peale kulub Peetril kümme minutit* 'На поездку домой Пэтеру требуется десять минут' по своему значению равны. При ссылках на эквивалентность нередко указываются глаголы, при которых данная модель эквивалентна какой-либо другой модели. Само собой разумеется, что такие ссылки не могут быть односторонними, своей би- или мультilaterальностью они обуславливают встречные ссылки. От этого, в свою очередь, зависят продуманный подбор и правильное разграничение примеров. Если же соответствующего глагола при указанной модели не окажется, то очень трудно разгадать, что же автор имел в виду при ссылке на эквивалентность. Непонятными могут оказаться даже некоторые места с дополнительными разъяснениями. Например, при модели 21.88 (*Politseinik hoiatas autost turiste värvate ees peatumast* 'Полицейский предупредил из машины туристов не останавливаться перед воротами') указывается, что она = 21.48, если V² + *mast* заменить отглагольным именем. При модели 21.48 стоит близкое предыдущему предложение с глаголом *hoiatama* 'предупреждать' (*Ema hoiatas rõdult lapsi autode eest* 'Мама предупреждала с балкона детей о необ-

¹ Обозначения: all. — аллатив, De — экстралокальный дирекциональный субституционный класс, Di — интралокальный дирекциональный субституционный класс, Mod. — модальный субституционный класс, N — имя существительное, ngr. — номинатив или генитив или партитив, пом. — номинатив, пр. — номинатив или партитив, part. — партитив, тр. — транслатив, V — глагол.

ходимости остерегаться машин'), в котором, однако, отглагольного имени никак не найти.

Указанные и другие неточности, встречающиеся в этой главе, носят в большинстве своем технический характер.

Зато гораздо важнее во второй главе представляется вопрос о полноте и правильности составных элементов (символов) моделей предложения, а также адекватности примеров соответствующим моделям. В этом отношении мы можем с удовлетворением констатировать, что составные элементы моделей предложений приведены в общем исчерпывающе. Учитывая большое количество моделей, замечаний у рецензента относительно мало.

В некоторых моделях предложений явно опущены те или иные факультативные элементы. Например, к модели 6.6 ($N^1 + \text{all.} V (Di) N^2 + \text{pr.}$ мы можем добавить экстралокальную дирекциональ (De), так как предложение *Ajakirjale sugenes pealinna kaastöölisi 'У журнала появились в столице сотрудники'* можно дополнить наречием *kõikialt 'отовсюду'* или т. п. De можно добавить также к двойной модели 17.35 и 17.36, ибо, например, к предложению *Kunstnik laenas... sõbra käest endale raha 'Художник одолжил... у друга себе денег'* можно добавить элемент *Tallinnast 'из Таллина'* (ср. в этом отношении корректно оформленную модель 21.56 с примером *Peeter ihkas Tallinnast sõbra käest kirja 'Пеэтер ждал из Таллина от друга письма'*). К моделям 347.1 и 347.2 следовало бы добавить (по крайней мере на основании языкового чутья рецензента) также тип $N + \text{gen. poolt}$, т. к., например, предложение *Minule (или minust) jäi see tähele panemata* можно варьировать при помощи конструкции *poolt: Minu poolt jäi see tähele panemata 'Мной это осталось незамеченным'*.

По мнению рецензента, при некоторых моделях примеры следовало бы больше варьировать, чтобы показать число возможных классов в максимальном количестве. Объем диссертации от этого не увеличился бы.

Третья глава диссертации (стр. 336—398) посвящена итогам и выводам и намечает дальнейшие пути исследования синтаксиса эстонского языка на базе настоящей работы. Здесь дан сжатый об-

зор обширного материала, использованного в диссертации, причем выводы и предложения автора не вызывают возражений.

Автором работы проанализировано около 6000 глаголов эстонского языка. Элементарных предложений приведено 363. Можно предположить, что количество типов элементарных предложений, встречающихся в эстонском общепринятом языке, не превышает четырехсот. В элементарном предложении может быть обязательно обусловлено глаголом отнюдь до четырех мест. Нульместных элементарных предложений — 1, одноместных — 17 (в диссертации и автореферате ошибочно 18), двухместных — 180, трехместных — 158, четырехместных — 7. Распределение глаголов между элементарными предложениями неравномерно: $N + \text{nom.} V$ — приблизительно 2500 глаголов, $N^1 + \text{nom.} V N^2 + \text{part.}$ — 1300 глаголов, $N^1 + \text{nom.} V N^2 + \text{ngr.}$ — 1100 глаголов, $N + \text{nom.} V Di$ — 350 глаголов и т. д.

К некоторым элементарным предложениям нельзя добавить ни одного факультативного связанного распространителя, в то время как элементарное предложение является единственной ОГМП. Количество мест в ОГМП достигает шести. Под три элементарные предложения подходит больше всего ОГМП: $N + \text{nom.} V$ — 256, $N^1 + \text{nom.} V N^2 + \text{ngr.}$ — 97 и $N^1 + \text{nom.} V N^2 + \text{part.}$ — 93 ОГМП.

Различение классов моделей состояния и рассмотрение многих других вопросов проводятся в эстонском синтаксисе впервые. Необходимо согласиться с далеко идущим выводом автора, что одна из причин великого множества элементарных предложений в эстонском языке заключается в переплетении старых своеобразных типов предложений с индоевропейскими формами. Развивая это положение, можно считать, что учет исторического фона может создать благоприятные перспективы для дальнейшего изучения синтаксиса. С иной точки зрения подходит автор и к формированию значений слов — он исходит из структуры-основы в виде ситуаций действия.

Со своей стороны хочется подчеркнуть, что многие выводы, сделанные в работе, заставляют пересмотреть и некоторые положения традиционной грам-

матики. Диссертант убедительно показывает, что лексическое значение глагола не только определяет форму и класс его распространителей, но и обуславливает порядок членов соответствующего элементарного предложения. Основные типы порядка слов в элементарном предложении (их 4) ведут к совершенно новому качеству, пройти мимо которого невозможно ни в одном последующем исследовании по синтаксису эстонского языка.

Приведу некоторые замечания в отношении этой части работы. Не совсем хорошо, что в заключении используются другие примеры предложений при ссылках на предшествующий анализ с помощью определенных номеров моделей, например, на стр. 356 автор оперирует глаголом *valama* 'лить', но ни самого глагола, ни примеров к ним нет в 194.11 и 195.0.1, на которые делается ссылка. К отдельным неточностям добавляется ошибка на стр. 374 в моделях $N^1 + \text{nom}$. $V N^2 + \text{ngpr}$. $N^3 + \text{tr}$. и $N^1 + \text{nom}$. $V N^2 + \text{part}$. ($N^3 + \text{tr}$.), потому что, как указывают примеры (*Emal lõikas noaga leiba* 'Мама резала ножом хлеб' и др.), здесь должен быть также символ, относящийся к комитативу ($N + \text{kom}$.), однако его нет.

В диссертации отсутствуют индексы, облегчающие пользование ею. Следовало

бы подумать о специальном приложении индекса глаголов вместе с ссылками на все возможные номера моделей. Теперь же нелегко — имея в виду какой-нибудь конкретный символ — предугадать расположение отдельных групп моделей предложений в работе, поэтому и оглавление второй главы могло бы быть значительно детальнее.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо констатировать, что пионерская работа диссертации по исследованию структуры простого предложения эстонского языка с помощью новых методов заслуживает самой высокой оценки. Автор отлично разбирается как в разрабатываемом материале, так и в структурно-лингвистических методах исследования. Поэтому ему удалось дать детальный обзор ориентированных на глагол моделей предложения эстонского языка и сделать существенные обобщающие выводы. Многие проблемы разрабатываются в диссертации впервые, при этом по содержанию предлагаемые решения возражений не вызывают. В заключительной части работы диссертант предлагает новое направление по дальнейшему изучению основных проблем синтаксиса эстонского языка, возможности разработки которого ныне взвешиваются в Институте языка и литературы АН Эстонской ССР.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)